

ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ПОВЫШЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Е.И. Янгирова, beglovaelena75@mail.ru

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Аннотация. Целью статьи является оценка влияния внутрирегиональных факторов, способных обеспечить некоторую автономность повышения денежных доходов населения в регионе относительно общенациональных тенденций. Гипотеза исследования заключается в том, что метод “Shift-share analysis” может послужить инструментом выявления оценки степени влияния внутренних региональных факторов на повышение денежных доходов населения в российских регионах. Соответственно, этот метод адаптирован по отношению к показателям денежных доходов населения 82-х российских регионов за 2019 и 2023 гг. в разрезе 5 компонентов структуры этих доходов: доходов от предпринимательской деятельности, оплаты труда наемных работников, социальных выплат, доходов от собственности, прочих денежных поступлений. В результате по каждому региону сдвиги в денежных доходах населения разложены на три составляющие: общенациональная конъюнктура (общенациональный эффект), изменения в отдельных компонентах денежных доходов населения на уровне национальной экономики (компонентный эффект), собственные региональные сдвиги (региональный эффект). Определено, что в подавляющем большинстве регионов высокие темпы роста реальных доходов населения достигаются при условии положительных компонентных и региональных эффектов, тогда как среди регионов-аутсайдеров по тем же темпам аналогичных эффектов практически не наблюдается. Выявлена значимость влияния структуры денежных доходов региона на его уровень компонентного эффекта, и, в конечном счете, на рост реальных доходов населения. Общий положительный региональный эффект обнаружен лишь в 23-х регионах. Это показало, что в большинстве регионов России их меры, реализуемые на основе внутрирегиональных ресурсов и возможностей, неэффективны. О неиспользовании внутреннего потенциала и слабой политике доходов на региональном уровне свидетельствует также и то, что в половине из исследуемых субъектов РФ положительный региональный эффект обеспечен лишь в отношении одного из компонентов денежных доходов либо он полностью отсутствует.

Ключевые слова: денежные доходы населения, российские регионы, метод “Shift-share analysis”, внутренние региональные факторы, региональный эффект

Для цитирования: Янгирова Е.И. Влияние внутренних региональных факторов на повышение денежных доходов населения в российских регионах // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2026. Т. 20, № 1. С. 66–75. DOI: 10.14529/em260106

Original article
DOI: 10.14529/em260106

INFLUENCE OF INTERNAL REGIONAL FACTORS ON THE INCREASE OF MONETARY INCOMES OF THE POPULATION IN RUSSIAN REGIONS

E.I. Yangirova, beglovaelena75@mail.ru

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Abstract. The article aims to evaluate the impact of internal, regional factors on the increase of monetary income relative to national trends. We assume that the “Shift-share analysis” method can help determine the degree of influence of these internal factors on the monetary incomes of the population in

the regions of Russia. To test this hypothesis, we adapted this methodology to analyze the monetary incomes of 82 regions of Russia for 2019 and 2023, considering five components of these incomes: entrepreneurial income, employee salaries, social benefits, income from property and other monetary income. The results show that changes in the monetary incomes of the population in each region can be divided into three components: the national economic situation (nationwide effect), changes in individual income components at the national level (component effect), and regional shifts (regional effect). We found that high rates of real income growth were achieved in most regions with positive component and regional effects. However, no similar effects were observed in other regions. The study revealed the importance of income structure in determining the component effect and, ultimately, the growth of real incomes of the population. Overall, only 23 regions have demonstrated a positive regional effect. This shows that in most regions of Russia, measures based on intraregional resources and capabilities are ineffective. The insufficient use of domestic potential and weak income policy at the regional level is also evidenced by the fact that, in half of the subjects studied in the Russian Federation, a positive regional effect is achieved with respect to only one component of monetary income, or it is completely absent.

Keywords: population income, Russian regions, Shift-share analysis method, internal regional factors, regional effect

For citation: Yangirova E.I. Influence of internal regional factors on the increase of monetary incomes of the population in Russian regions. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2026, vol. 20, no. 1, pp. 66–75. (In Russ.). DOI: 10.14529/em260106

Введение

Денежным доходам населения посвящено значительное число научных публикаций, поскольку они являются одним из важнейших параметров, отражающих уровень жизни в регионах Российской Федерации. В то же время недостаточно изученной остается область исследования, касающаяся того, в какой мере динамика денежных доходов определяется внешними или внутререгиональными факторами, возможности влияния на которые у региона ограничены, а в какой – внутрирегиональными, собственными факторами, отражающими степень реализации внутреннего потенциала региона, способного обеспечить некоторую его автономность относительно общенациональных тенденций.

В связи с этим целью исследования является оценка влияния внутренних региональных факторов на повышение денежных доходов населения в российских регионах.

В соответствии с целью поставлены следующие задачи:

1) разложение на основе метода “Shift-share analysis” сдвигов в денежных доходах населения регионов на три составляющие: общенациональная конъюнктура (общенациональный эффект), изменения в отдельных компонентах денежных доходов населения на уровне национальной экономики (компонентный эффект), собственные региональные сдвиги (региональный эффект);

2) оценка влияния общенационального, компонентного и регионального эффектов на темпы роста реальных доходов населения регионов;

3) выявление оптимальной структуры денежных доходов населения на региональном уровне;

4) определение роли структурных составляющих регионального эффекта в повышении денежных доходов населения в субъектах РФ.

Гипотеза исследования заключается в том, что реализация метода “Shift-share analysis” может позволить выявить и оценить влияние внутренних региональных факторов на повышение денежных доходов населения в российских регионах.

Теория и методы

Публикации, посвященные теме исследования, условно разделены на две группы.

К первой группе отнесены работы, касающиеся анализа денежных доходов населения в целом в Российской Федерации и ее общерегиональном разрезе. Так, например, в исследовании Маховой А.В., Пугатовой А.В. [5] за последние 10 лет (по 2023 г.) по всей территории Российской Федерации отмечен рост среднедушевых денежных доходов. При этом в работе Долгих Е.А., Филатовой В.А. [3] в результате анализа структурных сдвигов выявлено сохранение структуры денежных доходов населения РФ. Высокую степень устойчивости их структуры подтверждают и Декина М.П., Кожевникова К.Г. [2]. Общерегиональные тенденции за достаточно длительный ретроспективный период рассмотрены в статьях Клименко И.С. [4], Пастуховой Е.Я. в соавторстве [6].

Во вторую группу включены исследования, посвященные выявлению особенностей формирования денежных доходов населения отдельных групп регионов и конкретных субъектов РФ. К ним, в частности, отнесены работы Гудожниковой Е.В. в соавторстве [1] по анализу регионов Центрального, Субраковой Л.К. [9] – Сибирского федеральных округов, а также Поповой О.В. [7] –

Республики Саха (Якутия) и Пятовой О.Ф., Шуминой Т.В. [8] – Самарской области.

В отличие от приведенных публикаций, в которых, как правило, реализован динамический, структурный и корреляционно-регрессионный анализ, в настоящей статье по отношению к денежным доходам населения в разрезе регионов РФ использован метод “Shift-share analysis”. В работе Кнудсена Д. [12] отмечается, что это метод для анализа регионального развития, который позволяет оценить, какая часть роста исследуемого показателя в регионе может быть отнесена к тенденциям за счет общенациональных факторов, а какая – к уникальным факторам на уровне самого региона. В результате в рамках метода делается попытка отделения экономических компонентов роста на национальном уровне от региональных его составляющих. В классическом виде расчет производится на основе показателя занятости, взятого за два периода. Модель предполагает, что, к примеру, рост занятости в течение определенного периода времени для конкретного региона может быть объяснен тремя причинами: общенациональный рост; национальные отраслевые сдвиги; собственный региональный сдвиг.

Соответственно, Руо Ж.-Ф., Шеффер И. [13] обращают особое внимание именно на региональный эффект, который является наиболее интересным и представляет собой некие уникальные преимущества самого региона, его внутренние региональные факторы. Его можно выявить, если рост региона в конкретной отрасли опережает как общенациональный экономический рост, так и рост этой же отрасли на национальном уровне. Подобное опережение может указывать на то, что в регионе есть уникальное конкурентное преимущество в этой отрасли. Эти эффекты могут быть вызваны такими факторами, как экономико-географическое положение, демографические и трудовые характеристики населения, природные ресурсы и др. По мнению Хусаини М. [11], в числе этих факторов важное место занимает эффективность деятельности органов власти региона.

Метод используется в различных областях. Так, Ксантосом Г. в соавторстве [15] на основе этого метода анализируется валовая добавленная стоимость региона, в работе Динч М., Хейнс К. [10] он реализован в сфере международной торговли, а в исследованиях Ши Ч. в соавторстве [14] – туризма.

В настоящем же исследовании подобный анализ проведен на основе показателей денежных доходов населения в разрезе российских регионов за 2019 и 2023 гг., официально публикуемых Росстатом¹. Соответственно, аналогами вышеупомя-

нутых отраслей выступили 5 компонентов структуры этих доходов: доходы от предпринимательской деятельности, оплата труда наемных работников, социальные выплаты, доходы от собственности, прочие денежные поступления. Исследуемая выборка регионов составила 82 субъекта, поскольку Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа рассмотрены в составе их вышестоящего субъекта: Тюменской области, а Ненецкий автономный округ – Архангельской области. Официальные данные по Донецкой и Луганской Народным Республикам, Запорожской и Херсонской областям за исследуемые годы отсутствовали.

В рамках исследования составные элементы модели модифицированы в следующем виде:

$$\Delta R_i = R_{i,t} - R_{i,t-1} = NS_i + IM_i + RS_i, \quad (1)$$

где ΔR_i – изменение денежных доходов населения в абсолютном выражении на региональном уровне по i -му компоненту; $R_{i,t}$ – абсолютное значение денежных доходов населения на уровне региона по i -му компоненту в периоде t ; $R_{i,t-1}$ – абсолютное значение денежных доходов населения на уровне региона по i -му компоненту в периоде $t-1$; NS_i – общенациональный эффект в абсолютном выражении в изменении денежных доходов населения по i -му компоненту; IM_i – компонентный эффект в абсолютном выражении в изменении денежных доходов населения по i -му компоненту; RS_i – региональный эффект в абсолютном выражении в изменении денежных доходов населения по i -му компоненту.

Общенациональный эффект:

$$NS_i = R_{i,t-1} \cdot \frac{E_t - E_{t-1}}{E_{t-1}}, \quad (2)$$

где E_t – абсолютное значение денежных доходов населения в целом по стране в периоде t ; E_{t-1} – абсолютное значение денежных доходов населения в целом по стране в периоде $t-1$.

Компонентный эффект:

$$IM_i = R_{i,t-1} \cdot \left(\frac{E_{i,t} - E_{i,t-1}}{E_{i,t-1}} - \frac{E_t - E_{t-1}}{E_{t-1}} \right), \quad (3)$$

где $E_{i,t}$ – абсолютное значение денежных доходов населения на уровне страны по i -му компоненту в периоде t ; $E_{i,t-1}$ – абсолютное значение денежных доходов населения на уровне страны по i -му компоненту в периоде $t-1$.

Региональный эффект:

$$RS_i = R_{i,t-1} \cdot \left(\frac{e_{i,t} - e_{i,t-1}}{e_{i,t-1}} - \frac{E_{i,t} - E_{i,t-1}}{E_{i,t-1}} \right), \quad (4)$$

где $e_{i,t}$ – абсолютное значение денежных доходов населения на региональном уровне в i -м компоненте в периоде t ; $e_{i,t-1}$ – абсолютное значение денежных доходов населения на региональном уровне по i -му компоненту в периоде $t-1$.

¹ Росстат. Денежные доходы и расходы населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270> (дата обращения 10.01.2026)

Представленные формулы измеряют эффекты в абсолютных значениях, что не всегда позволяет корректно сравнивать между собой регионы, соответственно, приведенные эффекты могут быть выражены и относительными показателями:

$$\Delta r_i = ns_i + im_i + rs_i, \quad (5)$$

$$ns_i = \left(\frac{E_{it} - E_{i,t-1}}{E_{i,t-1}} \right) \cdot 100\%, \quad (6)$$

$$im_i = \left(\frac{E_{it} - E_{i,t-1}}{E_{it-1}} - \frac{E_t - E_{t-1}}{E_{t-1}} \right) \cdot 100\%, \quad (7)$$

$$rs_i = \left(\frac{e_{it} - e_{i,t-1}}{e_{i,t-1}} - \frac{E_{it} - E_{i,t-1}}{E_{i,t-1}} \right) \cdot 100\%, \quad (8)$$

где Δr_i – изменение денежных доходов населения в относительном выражении (темп прироста) на региональном уровне по i -му компоненту, %; ns_i – общенациональный эффект в относительном выражении (темп прироста за счет общенационального эффекта) в изменении денежных доходов населения по i -му компоненту, %; im_i – компонентный эффект в относительном выражении (темп прироста за счет компонентного эффекта) в изменении денежных доходов населения по i -му компоненту, %; rs_i – региональный эффект в относительном выражении (темп прироста за счет регионального эффекта) в изменении денежных доходов населения по i -му компоненту, %.

Для определения эффектов по всем компонентам в совокупности (т. е. суммарных денежных доходов населения) могут быть использованы следующие формулы:

$$\Delta r = ns + im + rs, \quad (9)$$

$$ns = \left(\frac{\sum_{i=1}^n NS_i}{e_{t-1}} \right) \cdot 100\%, \quad (10)$$

$$im = \left(\frac{\sum_{i=1}^n IM_i}{e_{t-1}} \right) \cdot 100\%, \quad (11)$$

$$rs = \left(\frac{\sum_{i=1}^n RS_i}{e_{t-1}} \right) \cdot 100\%, \quad (12)$$

где Δr – изменение денежных доходов населения в относительном выражении (темп прироста) на региональном уровне по всем компонентам (т. е. суммарных денежных доходов населения), %; ns – общенациональный эффект в относительном выражении (темп прироста за счет общенационального эффекта) в изменении денежных доходов населения по всем компонентам (т. е. суммарных денежных доходов населения), %; im – компонентный эффект в относительном выражении (темп прироста за счет компонентного эффекта) в изменении денежных доходов населения по всем компонентам (т. е. суммарных денежных доходов населения), %; rs – региональный эффект в относительном выражении (темп прироста за счет регионального эффекта) в изменении денежных доходов населения по всем компонентам (т. е. суммарных денежных доходов населения), %; e_{t-1} –

абсолютное значение денежных доходов населения на региональном уровне по всем компонентам (т. е. суммарных денежных доходов населения) в периоде $t-1$.

Результаты

На начальном этапе рассмотрено влияние общенационального, компонентного и регионального эффектов на 10 регионов с наивысшими и стольких же субъектов с наименьшими темпами роста реальных доходов населения (см. таблицу).

Исходя из таблицы сделан вывод, что темпы роста реальных доходов населения складываются под влиянием разнонаправленной динамики номинальных денежных доходов и индекса потребительских цен. Тем не менее, влияние первых более существенно, чем вторых. Об этом, во-первых, свидетельствует значительно более высокий коэффициент корреляции в разрезе всех российских регионов между номинальным и реальным ростом доходов населения, превышающий 0,9. Тогда как аналогичный коэффициент между индексами потребительских цен темпами роста реальных доходов составляет минус 0,6.

Следовательно, меры в направлении роста последних, реализуемые региональными властями, должны быть в большей степени сконцентрированы на повышении номинальных денежных доходов населения, нежели на сдерживании индекса потребительских цен.

Во-вторых, на примере 10-ти регионов-лидеров по темпам роста реальных доходов населения выявлено, что в подавляющем большинстве из них эти темпы достигаются при условии положительных компонентных и региональных эффектов (выделены заливкой в таблице), тогда как среди регионов-аутсайдеров аналогичных эффектов практически не наблюдается. Но есть и исключения. Так, Кабардино-Балкарская Республика, находящаяся на 3-м месте по темпам роста реальных доходов населения, обладая относительно средним значением индекса потребительских цен и одним из самых низких компонентных эффектов, «перекрывает» их региональным эффектом, являющимся наивысшим в России. Примерно тоже наблюдается и в отношении г. Севастополь. В свою очередь, Тюменская область отрицательный региональный эффект, соответствующий 75-му месту в России, компенсирует относительно высоким компонентным эффектом (15-е место) и почти самым низким среди всех регионов индексом потребительских цен.

С другой стороны, практически среди всех регионов с минимальными темпами роста реальных доходов населения при существенно различающихся индексах потребительских цен (от 11-го до 63-го места в России) отмечаются преимущественно низкие позиции по компонентному и региональному эффектам. Исключение составляет лишь Республика Коми – единственный регион в этой группе, обладающий положительным компонентным эффектом.

Таблица

Регионы с максимальными и минимальными темпами роста реальных доходов населения и их эффекты
за 2019, 2023 гг.*

№ п/п	Регион	Рост реальных доходов населения за 2019–2023 гг., %	Темп прироста номинальных денежных доходов населения (относительный общий эффект, Δг)		относительный общенациональный эффект, % (ns)	в том числе				Справочно: индекс потребительских цен	
			%	ранг**		относительный компонентный эффект (im)		общий относительный региональный эффект, % (rs)			
						%	ранг	%	ранг		
I. 10 регионов с максимальными темпами роста реальных доходов населения											
1	Чукотский автономный округ	155,4	80,6	2	50,4	7,3***	13	22,9	7	124,0	82
2	Республика Тыва	140,9	80,3	3	50,4	5,1	28	24,7	6	141,9	40
3	Кабардино-Балкарская Республика	139,4	89,1	1	50,4	–18,2	78	56,9	1	141,7	43
4	г. Москва	129,2	60,2	9	50,4	7,6	9	2,1	20	138,2	71
5	Чувашская Республика	127,5	62,3	7	50,4	6,0	23	5,9	13	140,7	55
6	Магаданская область	127,2	61,8	8	50,4	8,5	4	2,8	17	138,7	70
7	Новосибирская область	126,2	63,1	6	50,4	7,5	11	5,2	14	140,0	61
8	Республика Алтай	126,2	65,0	5	50,4	5,7	24	8,9	12	140,9	53
9	Тюменская область	124,9	46,7	46	50,4	7,2	15	–11,0	75	126,9	81
10	г. Севастополь	122,9	65,7	4	50,4	–6,1	66	21,4	8	145,5	12
II. 10 регионов с минимальными темпами роста реальных доходов населения											
1	Липецкая область	103,7	37,2	77	50,4	–4,1	61	–9,1	72	143,6	29
2	Свердловская область	103,1	34,0	80	50,4	–6,3	67	–10,1	74	140,1	59
3	Карачаево-Черкесская Республика	102,9	35,8	79	50,4	–6,5	68	–8,1	66	140,5	56
4	Ставропольский край	102,9	39,3	71	50,4	–3,9	60	–7,3	61	143,3	31
5	Воронежская область	102,5	38,0	75	50,4	–10,5	73	–1,9	33	144,0	21
6	Республика Коми	101,3	38,9	72	50,4	7,1	17	–18,5	80	141,1	50
7	Брянская область	101,3	38,1	74	50,4	–10,5	72	–1,8	32	145,5	13
8	Алтайский край	101,1	38,7	73	50,4	–3,4	56	–8,3	68	146,3	11

Окончание таблицы

№ п/п	Регион	Рост реальных доходов населения за 2019–2023 гг., %	Темп прироста номинальных денежных доходов населения (относительный общий эффект, Δг)		в том числе					Справочно: индекс потребительских цен	
					относительный общенациональный эффект, % (ns)	относительный компонентный эффект (im)		общий относительный региональный эффект, % (rs)			
			%	ранг**		%	ранг	%	ранг	%	ранг
9	Республика Башкортостан	100,4	31,6	82	50,4	–12,9	76	–5,9	50	139,7	63
10	Тамбовская область	95,0	32,4	81	50,4	–9,6	71	–8,4	69	145,3	14

* Все показатели таблицы приведены за 2019, 2023 гг. Статистический бюллетень «Денежные доходы и расходы населения в 2018–2021 гг.» / Федеральная служба государственной статистики/ М., 2022. С. 8–10; Статистический бюллетень «Денежные доходы и расходы населения в 2022–2023 гг.» / Федеральная служба государственной статистики, М., 2024. С. 6–7; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: стат. сб./ Росстат. М., 2025. С. 182–183, 995–997.

** Место среди исследуемых 82-х регионов России

*** Залиткой выделены положительные значения

Источник: рассчитано автором

Рассматривая представленные эффекты, необходимо отметить сложившийся достаточно высокий общенациональный эффект в плюс 50 %, который заметно выше максимального значения компонентного (плюс 10,6 %) и лишь чуть уступает аналогичному значению регионального (плюс 56,9 %) эффектов. Это позволяет предположить об относительно благоприятной национальной конъюнктуре, способствующей повышению в целом реальных доходов населения. Подтверждением этому служит и то, что за анализируемый период реальные доходы населения возросли или, по крайней мере, сохранились почти во всех регионах (за исключением Тамбовской области, в которой они снизились на 5 %).

Переходя к компонентному эффекту, формирующемуся под влиянием изменений на федеральном уровне соответствующих компонентов денежных доходов населения, можно обратить внимание на их разнонаправленную динамику, приводящую к существенным структурным сдвигам в денежных доходах населения в масштабах страны. Так, прирост доходов от собственности составил плюс 61,2 % (а их доля возросла с 5,1 % в 2019 г. до 7,1 % в 2023 г.), доходов от предпринимательской деятельности – плюс 24,0 % (соответственно, рост доли с 5,9 до 6,9 %), оплаты труда наемных работников – плюс 9,0 % (рост с 57,3 до 60,7 %), социальных выплат – минус 5,4 % (снижение с 18,8 до 17,9 %), прочих денежных поступлений – минус 65,9 % (существенное снижение – с 12,9 до 7,4 %).

При рассмотрении компонентного эффекта в разрезе российских регионов, выстроенных по квартилям по мере роста реальных доходов, можно отметить, что в первый квартиль с наивысшими упомянутыми темпами вошли 16 регионов с положительным компонентным эффектом из 47 подобных субъектов, во второй – 15, третий – 13, четвертый – 3. Это свидетельствует о наличии стимулирующего воздействия компонентного эффекта на рост реальных доходов населения.

Кроме того, здесь возникает интересный вопрос об оптимальности структуры денежных доходов населения, позволяющей максимизировать этот эффект для конкретного региона или, по крайней мере, минимизировать потери от него. Отмеченным выше наивысшим значением указанного эффекта в плюс 10,6 % обладает г. Санкт-Петербург. Следовательно, условно можно предположить, что структура денежных доходов этого региона, позволяющая получать максимальный компонентный эффект, является наилучшей. Эта структура характеризуется в 2023 г. следующим образом: доля доходов от предпринимательской деятельности – 6,3 %, оплаты труда наемных работников – 64,6 %, социальных выплат – 16,1 %, доходов от собственности – 9,9 %, прочих денежных поступлений – 3,1 %.

Автором статьи сделано предположение, что существенное отличие структуры денежных доходов населения того или иного региона от приведенной служит предпосылкой снижения компонентного эффекта. Для проверки этого предполо-

жения произведен расчет в процентных пунктах суммы отклонений (по модулю их значений) доли каждого компонента доходов от соответствующих значений г. Санкт-Петербург по всем остальным регионам.

Предположение в целом подтвердилось. Выявлено, что упомянутые суммы отклонений у 10-ти регионов с минимальными значениями компонентного эффекта существенно выше, чем у противоположной группы субъектов. В целом же среди всех регионов коэффициент корреляции между суммой отклонений и значениями компонентного эффекта составляет минус 0,9. Таким образом, можно сделать вывод о значимости некой оптимальной структуры денежных доходов населения региона в конкретный промежуток времени.

Следующими не менее важными являются региональные эффекты роста денежных доходов населения.

Выявлено, что из 82-х анализируемых регионов в большинстве (в 59) отмечается отрицательный региональный эффект в формировании денежных доходов населения, что свидетельствует о значимых неблагоприятных внутренних условиях подобных субъектов для формирования отдельных структурных составляющих этих доходов.

Общий положительный региональный эффект оказался существенно сложнее достижим, поскольку обнаружен лишь в 23-х субъектах, тогда как такой же компонентный эффект обеспечен, как было отмечено выше, в 47 регионах. Это означает, что меры, реализуемые на основе внутрирегиональных ресурсов и возможностей, в большинстве регионов России оказались неэффективными и не позволили им обеспечить собственную «прибавку» к динамике денежных доходов населения.

Из упомянутых 23-х регионов с общим положительным эффектом большая часть (14) находится в первом квартиле по темпам роста реальных доходов населения за 2019–2023 гг. (среди субъектов РФ, разбитых на квартили, по указанным темпам), т. е. характеризуется высокими их значениями. Во втором квартиле (где темпы роста реальных доходов выше среднерегиональных значений, измеренных по медиане) – 5 субъектов, третьем (темпы роста ниже среднерегиональных) – 3 и четвертом (низкие темпы роста) – 1. Таким образом, из указанных выше 23-х суммарно в первом и втором квартилях отмечаются 19 субъектов (или почти 83 %), что свидетельствует о существенной стимулирующей силе и результативности усилий на уровне региона по достижению положительно-го регионального эффекта, позволяющего субъектам за счет внутренних возможностей обеспечивать темпы роста реальных доходов от выше средних до высоких. В среднем же для регионов с положительным региональным эффектом темпы роста реальных доходов за тот же период составляют 121,7 %, что заметно выше аналогичной величины

в 109,7 %, демонстрируемой субъектами с отрицательным региональным эффектом, действующим на сдерживание динамики их денежных доходов.

Среди отмеченных выше 59-ти регионов с отрицательным региональным эффектом доля субъектов, входящих в третий и четвертый квартили по темпам роста реальных доходов, а именно в категории с темпами ниже среднего и низкими, менее выражена и составляет почти 63 %, что обусловлено «демпфирующим» влиянием положительного общенационального эффекта для всех регионов и отраслевого для 37 субъектов. В результате в обратную сторону региональный эффект, а именно в части сдерживания темпов роста реальных доходов, влияет менее выражено.

Что касается структурных составляющих денежных доходов населения, то высокие значения общего регионального эффекта достигаются регионами, как правило, не менее чем на основе трех компонентов.

Сделан вывод, что на итоговое значение регионального эффекта влияют не только уровень аналогичного эффекта в разрезе отдельных элементов денежных доходов населения, но и количество соответствующих структурных компонентов, характеризующихся положительными значениями регионального эффекта.

При рассмотрении всей совокупности регионов количество положительных в отношении регионального эффекта компонентов напрямую влияет и на темпы роста реальных доходов населения.

Так, всеми положительными компонентами (из 5-ти) обладает г. Севастополь, его темп роста реальных доходов населения за 2019–2023 гг. составляет 122,9 % (10-е место в России). Четырьмя аналогичными компонентами характеризуются 7 регионов, их средний темп роста реальных доходов превышает 120 % (места в России: от 2-го до 46-го). Три положительных компонента отмечаются в 12-ти субъектах, для этой группы темп роста реальных доходов в среднем фиксируется на уровне 117,3 % (места: от 1-го до 67-го). Два соответствующих компонента присущи 21-му региону со средним темпом роста реальных доходов в 114,4 % (места: от 4-го до 69-го). Лишь одним положительным компонентом обладают наибольшее количество субъектов – 30, их средний темп роста реальных доходов составляет 109,2 % (места: от 9-го до 82-го). Причем в этой группе находящаяся на 82-м месте по темпам роста реальных доходов населения Тамбовская область обладает 5-м в стране значением положительного регионального эффекта в части доходов от собственности. Или, например, Хабаровский край с самым низким значением общего регионального эффекта характеризуется положительным соответствующим эффектом по компоненте социальных выплат. Это позволяет сделать вывод, что абсолютное большинство регионов в Рос-

сийской Федерации имеет внутренний потенциал для наращивания реальных доходов населения. И, наконец, лишь 11 субъектов не обладают положительными компонентами, но при этом их средний темп роста реальных доходов хотя и ниже всех приведенных значений, тем не менее превышает 100 % (составляет 107,8 %) с местами в России от 32-го до 78-го. Это связано с тем, что подавляющее большинство из них (9 из 11) характеризуются положительным компонентным эффектом и, как уже было отмечено выше, на них благоприятно влияет высокое значение общенационального эффекта. Суммарное количество регионов в двух последних группах составляет 41 или половина от исследуемых субъектов, что также свидетельствует о невысокой эффективности или ее отсутствии в этих регионах внутрирегиональных мер в области повышения доходов населения.

Таким образом, результаты проведенных расчетов свидетельствуют, что для обеспечения высоких темпов роста реальных доходов населения в регионе необходимо вести работу по наращиванию максимального количества компонентов этих доходов, а прорыв лишь за счет одного источника маловероятен.

Выводы

Усилия региональных властей в области роста реальных доходов населения должны быть в большей степени направлены на обеспечение положительной динамики номинальных денежных доходов, нежели на снижение индекса потребительских цен, поскольку влияние первых на темпы роста реальных доходов более существенно. Гипотеза исследования подтвердилась, поскольку реализация метода “Shift-share analysis” показала, что достижение лидерства по темпам роста реальных доходов населения возможно при условии, если результаты этих усилий приводят к положительному региональному эффекту, свидетельствующему об эффективной реализации внутреннего потенциала региона.

При этом за анализируемый период выявлен высокий положительный общенациональный эффект, показавший существенную результативность мер федеральных органов власти по обеспечению благоприятных условий роста доходов населения на уровне страны. Кроме того, эта результативность выступила предпосылкой формирования

компонентного эффекта, в основе которого оказались позитивными изменения в структуре доходов населения в масштабах России – повышение доли доходов от собственности, предпринимательской деятельности и оплаты труда наемных работников при одновременном снижении удельного веса социальных выплат и прочих денежных поступлений. Это позволило обеспечить положительным компонентным эффектом 47 субъектов РФ и повлиять в них на повышение реальных доходов населения.

Выявлена значимость влияния структуры денежных доходов на уровень компонентного эффекта, и, в конечном счете, рост реальных доходов населения. Расчетным путем определено, что наиболее близкой к оптимальной является структура денежных доходов г. Санкт-Петербург, которая за рассматриваемый период может быть принята за эталонную. Соответственно, существенное отличие соответствующей структуры конкретного региона от эталонной ведет к потерям компонентного эффекта.

В отличие от компонентного общий положительный региональный эффект оказался более сложно достижим, поскольку обнаружен лишь в 23-х регионах. Это показало, что в большинстве регионов России их меры, реализуемые на основе внутрирегиональных ресурсов и возможностей, неэффективны. В то же время распределение субъектов РФ по квартилям темпов роста реальных доходов населения за 2019–2023 гг. показало сосредоточение в высоких из них регионов с положительным региональным эффектом, что свидетельствует о его значимой стимулирующей силе. Также было выявлено, что на темпы роста реальных доходов населения влияет количество компонентов этих доходов, по которым достигнут положительный региональный эффект, что свидетельствует о необходимости реализации мер по обеспечению максимального количества подобных компонентов, а не одного из них. Однако вновь о неиспользовании внутреннего потенциала и слабой политике доходов на региональном уровне свидетельствует то, что в половине из рассматриваемых субъектов РФ положительный региональный эффект обеспечен лишь в отношении одного из компонентов денежных доходов либо он полностью отсутствует.

Список литературы

1. Гудожникова Е.В., Колесник Н.Ф., Шибилева О.В. Сравнительный анализ уровня и структуры денежных доходов населения в регионах Центрального федерального округа // *Фундаментальные исследования*. 2025. № 5. С. 27–34. URL: <https://doi.org/10.17513/fr.43829>.
2. Декина М.П., Кожевникова К.Г. Статистический анализ структуры денежных доходов населения РФ // *Глобальный научный потенциал*. 2024. № 11-1(164). С. 205–209. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=79723898>.
3. Долгих Е.А., Филатова В.А. Статистический анализ среднедушевых денежных доходов населения в России и ее регионах // *Вестник университета*. 2025. № 8. С. 92–101. URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-8-92-101>.

4. Клименко И.С. Денежные доходы населения РФ: динамика, структура, региональный разрез и анализ влияющих макроэкономических факторов // Социальные и экономические системы. 2022. № 6-5(34). С. 234–250. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49522086>.
5. Махова А.В., Пугатова А.В. Анализ динамики среднедушевых денежных доходов населения Российской Федерации 2013–2023 гг. // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-5. С. 19–24. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-210>.
6. Пастухова Е.Я., Бельчик Т.А., Кочнева О.П. Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы влияния // Вопросы управления. 2023. № 3(82). С. 5–18. URL: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-5-18>.
7. Попова О.В. Среднедушевые денежные доходы населения Республики Саха (Якутия) в 2000–2022 годах: динамика показателей // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 12(69). С. 186–190. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54946209>.
8. Пятова О.Ф., Шумилина Т.В. Анализ денежных доходов населения Самарской области // Самара АгроВектор. 2024. Т. 4, № 3. С. 12–19. URL: <https://doi.org/10.55170/2949-3536-2024-4-3-12-19>.
9. Субракова Л.К. Анализ доходов населения сибирских регионов и государственная политика по сокращению региональной дифференциации доходов // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33. № 6. С. 987–994. URL: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2023-33-6-987-994>.
10. Dinc M., Haynes K., Productivity, International Trade and Reference Area Interactions in Shift-Share Analysis: Some operational notes // Growth and Change. 2005. No. 36(3). P. 374–394. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2257.2005.00282.x>.
11. Khusaini M. A Shift-Share Analysis on Regional Competitiveness – A Case of Banyuwangi District, East Java, Indonesia // Procedia-social and behavioral sciences. 2015. No. 211. P. 738–744. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.097>.
12. Knudsen D. Shift-Share Analysis: Further Examination of Models for the Description of Economic Change // Socio-economic planning sciences. 2000. No. 34(3). P. 177–198. URL: [https://doi.org/10.1016/S0038-0121\(99\)00016-6](https://doi.org/10.1016/S0038-0121(99)00016-6).
13. Ruault J.-F., Schaeffer Y. Scalable Shift-Share Analysis: Novel Framework and Application to France // Papers in Regional Science. 2020. No. 99(6). P. 1667–1691. URL: <https://doi.org/10.1111/pirs.12558>.
14. Shi C., Zhang J., Yang Y. et al. Shift-Share Analysis on International Tourism Competitiveness – A Case of Jiangsu Province // Chin. Geograph. Sc. 2007. No. 17. P. 173–178. URL: <https://doi.org/10.1007/s11769-007-0173-2>.
15. Xanthos G. et al. Distinguish Regional Performance with the Use of Shift-Share Analysis and MCDA Methods: A Gross Value Added Perspective. Operational Research. 2022. No. 22(2). P. 1363–1376. URL: <https://doi.org/10.1007/s12351-020-00582-6>.

References

1. Gudozhnikova E.V., Kolesnik N.F., Shibileva O.V. Comparative Analysis of the Level and Structure of Monetary Incomes of the Population in the Regions of the Central Federal District. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic research], 2025, no. 5, pp. 27–34. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17513/fr.43829>.
2. Dekina M.P., Kozhevnikova K.G. Statistical Analysis of the Structure of Money Income of the Population in Russia. *Global'nyj nauchnyj potencial* [Global scientific potential], 2024, no. 11-1(164), pp. 205–209. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=79723898>.
3. Dolgikh E.A., Filatova V.A. Statistical Analysis of Average Per Capita Monetary Income of the Population in Russia and its Regions. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 2025, no. 8, pp. 92–101. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-8-92-101>.
4. Klimenko I.S. Cash Income of the Population of the Russian Federation: Dynamics, Structure, Regional Context and Analysis of Influencing Macroeconomic Factors. *Social'nye i ehkonomicheskie sistemy* [Social and economic systems], 2022, no. 6-5(34), pp. 234–250. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49522086>.
5. Makhova A.V., Pugatova A.V. Analysis of the Dynamics of Per capita Monetary Incomes in the Russian Federation in 2013–2023. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 2024, no. 105-5, pp. 19–24. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-210>.
6. Pastukhova E.Ya., Belchik T.A., Kochneva O.P. Monetary Incomes, Poverty and Consumer Expenditures in the Regions: Long-Term Trends and Impact Factors. *Voprosy upravleniya* [Management issues], 2023, no. 3(82), pp. 5–18. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-5-18>.
7. Popova O.V. Average Income of Population of Republic of Sakha (Yakutia) in 2000–2022: Dynamics of Indicators. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 2023, vol. 1, no. 12(69), pp. 186–190. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54946209>.

8. Pyatova O.F., Shumilina T.V. Analysis of Monetary Incomes of the Population of the Samara Region. *Samara AgroVektor*, 2024, vol. 4, no. 3, pp. 12–19. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.55170/2949-3536-2024-4-3-12-19>.
9. Subrakova L.K. Analysis of the Population Income in Siberian Regions and the State Policy to Reduce Regional Income Differentiation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ehkonomika i pravo* [Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law], 2023, vol. 33, no. 6, pp. 987–994. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2023-33-6-987-994>.
10. Dinc M., Haynes K., Productivity, International Trade and Reference Area Interactions in Shift-Share Analysis: Some operational notes. *Growth and Change*, 2005, no. 36(3), pp. 374–394. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2257.2005.00282.x>.
11. Khusaini M. A Shift-Share Analysis on Regional Competitiveness – A Case of Banyuwangi District, East Java, Indonesia. *Procedia-social and behavioral sciences*, 2015, no. 211, pp. 738–744. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.097>.
12. Knudsen D. Shift-Share Analysis: Further Examination of Models for the Description of Economic Change. *Socio-economic planning sciences*, 2000, no. 34(3), pp. 177–198. URL: [https://doi.org/10.1016/S0038-0121\(99\)00016-6](https://doi.org/10.1016/S0038-0121(99)00016-6).
13. Ruault J.-F., Schaeffer Y. Scalable Shift-Share Analysis: Novel Framework and Application to France. *Papers in Regional Science*, 2020, no. 99(6), pp. 1667–1691. URL: <https://doi.org/10.1111/pirs.12558>.
14. Shi C., Zhang J., Yang Y. et al. Shift-Share Analysis on International Tourism Competitiveness – A Case of Jiangsu Province. *Chin. Geograph.Sc.*, 2007, no. 17, pp. 173–178. URL: <https://doi.org/10.1007/s11769-007-0173-2>.
15. Xanthos G. et al. Distinguish Regional Performance with the Use of Shift-Share Analysis and MCDA Methods: A Gross Value Added Perspective. *Operational Research*, 2022, no. 22(2), pp. 1363–1376. URL: <https://doi.org/10.1007/s12351-020-00582-6>.

Информация об авторе

Янгирова Елена Ирековна, доктор экономических наук, профессор кафедры стратегического управления, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия; beglovaelena75@mail.ru

Information about the author

Elena I. Yangirova, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor at the Department of Strategic Management, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia; beglovaelena75@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.01.2026

The article was submitted 17.01.2026